

18+

АРИНА ЛОРЕЛЬ

Белая тень

Арина Лорель

Белая тень

«Издательские решения»

Лорель А.

Белая тень / А. Лорель — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Загородный дом архитектора Виктора Соколова —
его главное творение, «симфония в камне», где каждая колонна, каждая
роза в саду выверена до миллиметра. Но в вечер званого ужина эта гармония
рушится: на мраморной террасе находят мёртвым бизнесмена Сергея
Иванова. Нож в груди — лишь бутафория, настоящая смерть пришла
с цианидом. Бывший сыщик Артем Ларин, против воли оказавшийся в центре
событий, понимает: убийца — среди двадцати двух гостей. И этот спектакль
только начинается.

© Лорель А.

© Издательские решения

Белая тень

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0070-7080-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белая тень

Глава 1

Артем Ларин не любил загородные дома. В этой нелюбви не было ни снобизма, ни классовое неприятие — она имела куда более древнюю, животную природу. Слишком много пространства, слишком мало углов, где можно спрятаться. Слишком много окон, в которые кто-то может смотреть, и слишком мало стен, за которыми можно перевести дух. В таких местах он всегда чувствовал себя так, будто стоит на огромной сцене под софитами, и каждый его жест, каждый неосторожный взгляд становится достоянием публики. Даже сейчас, когда он нашел единственное спасительное место — тень массивной колонны из итальянского мрамора, — он не мог избавиться от гнетущего ощущения чужого внимания.

Колонна, как и всё вокруг, была криком о богатстве. Соколов, хозяин дома, любил говорить, что архитектура — это застывшая музыка, но на деле его вкус был застывшим криком. Мрамор привезли из карьеров под Каррарой, и, по слухам, его стоимость равнялась годовому бюджету небольшого провинциального посёлка. Артем провел ладонью по холодной поверхности и поймал себя на мысли, что гладкий, отполированный до зеркального блеска камень вызывает у него почти такое же отвращение, как и сам Соколов.

Вечер выдался душным. Июльская жара, казалось, спустилась с небес и застряла в кроках вековых лип, не желая уступать место даже вечерней прохладе. Воздух был тяжелым, вязким, как старое вино, и пах жасмином. Этим проклятым жасмином, которым был засажен весь периметр усадьбы. Пахло так сладко, так приторно, что у Артема к горлу подступала тошнота — не физическая, а какая-то нервная, психосоматическая. Ему казалось, что этот запах проникает в самые поры, оседает на слизистой, смешивается с потом и табаком, превращаясь в невыносимый коктейль.

Он то и дело тер переносицу, пытаясь избавиться от навязчивого аромата, но тот был повсюду: в воротнике накрахмаленной рубашки, в волосах, в пустом бокале с шампанским, который он держал для вида и к которому не притронулся ни разу за весь вечер. Кристальный бокал нагрелся в его пальцах, и пузырьки газа уже давно осели на дне мутной, теплой жидкостью, напоминающей мочу больного животного. Артем с отвращением поставил бокал на поднос проходящего мимо официанта и закурил, надеясь перебить жасминовый дурман табачным дымом.

— Ларин! — голос Соколова прозвучал как выстрел в тишине его мыслей. Слишком громкий, слишком весёлый, слишком фальшивый. — Ты здесь как надгробный памятник. Хватит сканировать лица, мы не в полицейском участке.

Артем медленно перевел взгляд на хозяина дома, давая себе время на раздражение. Соколов был пьян, но держался прямо — та особая архитектурная пьяность, когда человек перестает видеть в людях живые существа и начинает воспринимать их как чертежи, как геометрические фигуры, которые можно двигать, переставлять и ломать по своему усмотрению. Глаза Соколова блестели маслянистым блеском, на щеках проступил нездоровый румянец, но осанка оставалась безупречной. Соколов-архитектор всегда был немного безумен, но сегодня его безумие приобрело осязаемые, почти физические черты. Он словно бы светился изнутри каким-то зловещим, неоновым светом.

— Я просто стою, — ответил Артем, выпуская струю дыма в сторону. Ему не хотелось играть в гостеприимство.

— Ты просто стоишь? — Соколов хохотнул, и смех этот прозвучал как скрежет металла по стеклу. Он хлопнул Артема по плечу с такой силой, что у того заныла лопатка, и тот на мгновение пожалел, что не отошёл в сторону. — Ты считаешь людей, Ларин. Я знаю этот твой взгляд — цепкий, хищный, ментовской. Ты уже насчитал всех? Двадцать три гостя? Четырнадцать слуг? Двоих несчастных музыкантов, которые уже готовы удавиться от скуки и от этого дурацкого джаза?

Артем промолчал. Соколов, как всегда, попал в точку. Считать людей, фиксировать их положение в пространстве, отмечать выходы, пути отступления — это была профессиональная привычка, введённая в подкорку за десять лет работы в уголовном розыске. Он действительно знал, что в доме двадцать три гостя, не считая прислуги. Он знал, что двое из них — брат и сестра, которые не разговаривают друг с другом уже три года. Он знал, что женщина в красном платье у бара изменяет мужу с его же партнёром по бизнесу. И это знание не давало ему покоя — оно висело в воздухе, как тот самый запах жасмина, смешанный с запахом надвигающейся беды.

— А вот и Сергей, — Соколов махнул рукой в сторону высокого арочного окна, где у подоконника застыла массивная фигура человека, и голос его приобрёл нарочитую, театральную радость. — Мой дорогой партнёр. Мой брат по разуму, можно сказать. Ты его знаешь?

— Видел пару раз, — сухо ответил Артем, вглядываясь в очертания.

— Он тебя ненавидит, — Соколов улыбнулся, обнажив ровные, ослепительно белые зубы, которые так не вязались с его помятым, словно у старого боксёра, лицом. — Он всех ненавидит. Это его талант. Но тебя — особенно. Особенно тех, кто смотрит на него дольше трёх секунд. Ты, Ларин, смотрел на него целых пять. Теперь ты у него в чёрном списке.

Артем перевел взгляд на Иванова. Сергей Иванов стоял у окна, и даже на расстоянии было видно, как он напряжён. Короткие, толстые пальцы нервно теребили край тяжелой парчовой скатерти, двигаясь с пугающей, неестественной частотой — будто он пытался завязать морской узел на собственных нервах. Иванов смотрел на Елену, жену Соколова. Этот взгляд не был взглядом влюблённого или похотливого мужчины. В нём не было ни злобы, ни вождения. Там было что-то другое, гораздо более острое и опасное: страх. Тот особый, животный ужас, который появляется на лице человека, держащего в руках гранату с выдернутой чекой, но уже не понимающего, в кого он её бросит — во врагов или в себя.

Елена, стоявшая у стойки бара, наконец перехватила его взгляд. На секунду её и без того бледное лицо потеряло последний оттенок цвета, став похожим на восковую маску. Затем она с усилием отвернулась, словно разрывая невидимую, но болезненную связь, подошла к бару и что-то тихо сказала бармену. Ей подали виски. Она выпила его не глотая, а запрокинув голову, одним резким, почти агрессивным движением, будто это было не спиртное, а горькое лекарство, которое необходимо проглотить, чтобы заглушить боль.

«Они что-то делают, — подумал Артем, наблюдая за этой короткой, но многозначительной пантомимой. — И делают они не деньги, не акции и не недвижимость. Деньги делают иначе — с азартом или с ненавистью. Здесь же — страх. И этот страх связывает их прочнее любых контрактов».

Через минуту раздался треск. Звук был не громким, но удивительно отчётливым, каким-то хирургически точным, будто кто-то специально хлопнул толстым стеклом, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. Он прозвучал где-то в глубине дома, за массивными дубовыми дверями, ведущими в малую гостиную.

Все обернулись на звук. В джазовом трио на секунду сбился ритм, и саксофонист издал фальшивую, болезненную ноту, которая повисла в воздухе как предвестник беды.

Из боковой двери, ведущей в служебные помещения, выскочил лакей. Молодой парень с бледным, как у смертника, лицом и глазами, расширенными до предела. Его лицо походило на плохо надетую маску — застывшее, неестественное, с криво приклеенной улыбкой, которая должна была изображать смущение, но выглядела как гримаса боли.

— Ваза упала! — закричал он голосом, в котором не было ни капли искренности. — Китайский фарфор. Эпоха Цинь. Простите, господа! Случайность! Я задел локтем, когда протирал!

Артем не поверил ни единому слову. Он видел лица лакеев, когда работал в полиции. Такие лица бывают у людей, которые только что наткнулись на труп, или у тех, кто смертельно боится, что их найдут рядом с трупом. У этого парня было третье состояние: он знал, что произошло нечто ужасное, но боялся произнести это вслух.

Артем не побежал к шуму. В его профессии главной ошибкой было бежать к источнику паники — так влетаешь в ловушку, не успев осмотреться. Он постоял ещё несколько секунд, досчитал про себя до десяти, чувствуя, как нарастает в зале тревожный гул голосов, и медленно, словно прогуливаясь, с видом скучающего гостя, который ищет туалет, направился в сторону террасы.

Крик раздался через минуту. Это был не мужской и не женский голос, а что-то среднее, нечеловеческое, похожее на вой сирены воздушной тревоги — высокий, срывающийся и бесконечно отчаянный.

Иванов лежал на мраморном полу малой гостиной. Мрамор был холодным, серым, с прожилками, которые в тусклом свете люстры напоминали застывшие реки крови. Тело было неестественно выгнуто, руки раскинуты в стороны, пальцы судорожно сжаты в кулаки. Из груди торчала рукоятка ножа — дорогого, с инкрустацией, явно из коллекции самого Соколова,

— но крови вокруг было так мало, что Артем сразу понял: это лишь декорация, финальный штрих постановки.

Он присел на корточки, не касаясь тела, и осторожно, с профессиональной сноровкой, наклонился к лицу покойного. Артем глубоко вдохнул, стараясь отсечь запахи жасмина, табака, духов и страха, которые витали в воздухе. И он уловил его — тот самый, незабываемый, тошнотворный запах. Горький миндаль. Доносился он не из раны, а изо рта Иванова, с губ, на которых застыла желтоватая, мыльная пена.

— Цианид, — сказал он вслух, поднимаясь на ноги и не глядя на стоящего в дверях Соколова. Голос его прозвучал глухо, но отчётливо. — Он умер до того, как в него воткнули нож. Нож — просто бутафория. Чья-то злая шутка. Демонстрация.

Соколов, до этого стоявший в дверях, бледнел прямо на глазах. Его веснушки, которых Артем раньше не замечал — мелкие, рыжеватые пятнышки, обычно скрытые загаром или солидной краснотой лица, — выступили на коже резко и отчётливо, как тёмные пятна на сыром мясе. Он судорожно сглотнул, и кадык его дёрнулся.

— Бу-бутафория? — переспросил он, заикаясь. — Ты уверен? Может, он... может, он ещё жив? Врача!

— Врач не поможет, — спокойно ответил Артем, вытирая руки платком. Он подошёл к телу ближе, рассматривая позу убитого. — Цианид действует мгновенно. Секунда — и человек мёртв. Его убивали не для того, чтобы уничтожить физически. Его убивали, чтобы что-то сказать.

Он поднял глаза на Соколова. Тот стоял, вцепившись пальцами в дверной косяк так, что побелели костяшки.

— Кто-то здесь, Виктор, любит играть в театр, — продолжил Артем, и голос его стал жестче, металлическим. — Но это не просто спектакль. Это предупреждение. Театр одного актёра. И мы все — его зрители.

Он медленно повернулся к гостям, которые уже начали собираться в дверях, давя друг друга, заглядывая через плечи. Двадцать два человека. Двадцать два лица — от ужаса до любопытства, от притворной скорби до плохо скрываемой радости. Все они были одинаково напряжены, как струны перед тем, как лопнуть.

Артем перевёл взгляд на Елену. Она стояла в заднем ряду, и лицо её было непроницаемо, как маска. Ни слезинки, ни дрожи. Только глаза — слишком широко открытые, почти чёрные в тусклом свете, — смотрели на тело мужа с выражением, которое Артем не мог прочесть.

Он подошёл к двери, разделяя гостей, как нож рассекает ткань.

— Двери закройте, — сказал он негромко, но его голос, усиленный тишиной, прозвучал как приказ. — Все входы и выходы перекрыть. Окна тоже. Никто не выйдет из этого дома.

Наступила тягучая, звенящая тишина. Кто-то из женщин всхлипнул.

— Убийца, — закончил Артем, обводя взглядом напряжённые лица, — среди нас. И он, или она, сейчас стоит здесь, рядом с вами и смотрит на нас.

Он задержал взгляд на Елене, затем на искажённом лице Соколова, на перепуганном лапее в углу.

— И этот спектакль, — добавил он, — только начинается.

Глава 2

Гостиная превратилась в клетку. И не просто клетку, а клетку с настежь распахнутыми дверцами, сквозь которые никто не решался выйти — потому что за каждой дверью теперь таилась не свобода, а новая, более страшная неизвестность. Воздух стал плотным, как кисель; люди жались друг к другу, образуя неловкие, случайные группы, словно стадо перед грозой, но никто не смотрел в глаза соседу. Взгляды скользили по потолку, по паркету, по мраморным колоннам — куда угодно, только не в лицо тому, кто стоял рядом.

Артем встал у камина. Массивный камин из чёрного полированного гранита с бронзовыми львиными головами по бокам был единственным тёплым пятном в этом ледяном зале, но даже он не согревал. Пламя в камине уже догорало, и отсветы его плясали на лицах гостей, придавая им черты химер. Отсюда, с этой возвышенности, был виден каждый выход: двери в малую гостиную, где лежал труп, парадный вход, служебная дверь за барной стойкой и стеклянная дверь на террасу, которая, как он уже проверил, была заперта изнутри.

Он выждал секунду, давая тишине набрать вес. Затем заговорил — голосом ровным, без эмоций, как будто читал инструкцию по эксплуатации.

— Меня зовут Артем Ларин, — сказал он, и каждое слово повисло в воздухе, как капли ртути. — Бывший следователь по особо тяжким. Сегодня я буду задавать вопросы. Вы можете отвечать или молчать, это ваше право, но врать не советую. Ложь я чувствую на расстоянии — за десять лет работы она въелась в ноздри, как запах жасмина. Так что давайте сразу договоримся: экономить время — в интересах всех нас.

В зале повисла звенящая тишина. Кто-то из женщин нервно хихикнул и тут же умолк, зажав рот ладонью. Артем обвёл взглядом лица: страх, любопытство, отчаяние, притворное спокойствие — калейдоскоп эмоций, за каждой из которых пряталась ложь. Он знал это. Он знал, что сейчас начнётся игра, и первым ход всегда делают самые нетерпеливые.

Кузьмин, местный политик с лицом, похожим на печёное яблоко, и вечно влажными ладонями, тут же поднял руку, как нашкодивший школьник. Его пальцы дрожали — не от страха, а от возмущения, от привычки командовать.

— Вы не имеете права нас удерживать! — голос его сорвался на фальцет. — Это частная собственность, а вы кто? Частное лицо без полномочий! Я требую немедленно связаться с моим адвокатом, я имею право на один звонок!

Артем спокойно кивнул, словно услышал давно знакомую жалобу.

— Связывайтесь, — сказал он, не повышая голоса. — Телефон у вас в кармане, сигнал, насколько я знаю, здесь ловит. Только учтите: дороги перекрыты — я проверил, мост через реку разведён, а объездная забита деревьями после вчерашней бури. Полиция приедет не раньше утра. У нас есть как минимум восемь часов. Так что, если ваш адвокат умеет телепортироваться, я только за.

Кузьмин побледнел. Его лицо, и без того рыхлое, обвисло, и кадык дёрнулся в судорожном глотке. Он открыл рот, чтобы возразить, но вместо слов вырвался только сиплый выдох. Его помощница Ксения Прокопьева — женщина с цепким, рентгеновским взглядом и лицом, которое, казалось, всегда что-то скрывало, даже когда она улыбалась, — взяла его под локоть. Жест был собственническим, почти хищным. Она притянула его к себе, будто хотела сказать: «Он мой, не трогайте».

Артем перевёл взгляд на неё. Ксения была одета в платье цвета бордового вина, с глубоким декольте, но сейчас в этой откровенности не было ни капли кокетства — только напряжение, сжатое до предела. Она стояла слишком прямо, слишком неподвижно, и только кончики пальцев, сжимавшие локон Кузьмина, выдавали её внутреннюю дрожь.

— Я видела, как вы выходили из малой гостиной, — сказал Артем, глядя ей прямо в глаза. — За десять минут до того, как обнаружили тело. Вы вышли оттуда и направились к барной стойке, но заказали не алкоголь, а воду. Я запомнил.

Ксения дёрнулась, словно от пощёчины, но быстро взяла себя в руки. Её губы растянулись в улыбку — той самой, которая не касалась глаз.

— Я выходила в туалет. У меня были дела. У женщин, знаете ли, бывают... дела.

— В туалет, расположенный за той самой гостиной? — переспросил Артем, делая шаг ближе. — И который, к слову, находится через одну дверь от места, где лежал Иванов. У вас нет алиби на эти десять минут.

— У меня есть алиби! — Ксения повысила голос, и в нём прозвучали металлические нотки. Она резко повернулась к Кузьмину, впиваясь в него взглядом. — Я была с Виктором! Мы разговаривали в холле!

Кузьмин, стоявший до этого как соляной столб, встрепенулся и закивал, но как-то неуверенно, будто проверял свою память на прочность.

— Да, мы... мы были вместе. — Он потёр лоб, собираясь с мыслями. — Ну, не совсем вместе. Она выходила из холла на пару минут, но потом вернулась. Я не придавал значения.

— Насколько «на пару минут»? — Артем сделал пометку в маленьком блокноте, который достал из кармана пиджака. Он заметил, как Ксения сжала локоть Кузьмина с такой силой, что костяшки побелели, а на его руке остались белые следы.

Кузьмин замялся, переглянулся со своей помощницей и выдавил из себя:

— Минуты три... может, пять. Я не следил за часами, чёрт возьми! У нас был разговор, важный разговор о контрактах!

— Так о контрактах или о делах? — Артем поднял бровь. — Вы уж определитесь.

Ксения открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент из угла комнаты, где на подлокотнике кресла сидел Михаил — худой, длиннорукий мужчина с лицом вечно обиженного интеллигента, — раздался тихий, но отчётливый голос:

— Она врет.

Все обернулись. Михаил не встал, но весь подобрался, как струна. Его глаза, маленькие и близко посаженные, блестели злорадством — тем особым удовольствием, которое испытывают люди, давно копившие обиду и наконец получившие шанс выплеснуть её.

— Я видел, как она выбегала оттуда, — продолжал Михаил, и голос его набирал силу. — Она выскочила из малой гостиной за две минуты до того крика. И руки у неё были красные. Кровь. Я видел собственными глазами.

Ксения закричала. Не словами, а просто звуком — высоким, пронзительным, режущим слух, как пила по стеклу. Она вырвала локоть из руки Кузьмина и шагнула к Михаилу, тряся кулаками.

— Ты врешь! — завопила она, и голос её сорвался на рыдание. — Ты всегда мне завидовал! Ты подкатывал ко мне на корпоративах, а я тебя отшила при всех! Ты хотел меня унижить, и вот он — твой шанс!

Михаил встал, и его лицо мгновенно налилось краской — от шеи до корней редких волос. Он ткнул в неё пальцем, и палец дрожал от гнева.

— Я к тебе не подкатывал, дура! У тебя вкус как удохлой рыбы, которую неделю держали на солнце! Ты сама вешалась мне на шею, когда Кузьмин уезжал в командировки, а теперь строишь из себя недотрогу!

Зал ахнул. Кузьмин поперхнулся воздухом и схватился за грудь, будто у него случился сердечный приступ. Женщина в синем платье — какая-то дальняя родственница Соколова — громко истерически засмеялась, прикрывая рот веером.

Ирина Рябова, которая до сих пор сидела в кресле с каменным, невозмутимым лицом, покачала головой и произнесла с лёгкой, почти снисходительной усмешкой:

— Дети, хватит. Здесь труп. Ведите себя прилично, в конце концов.

Голос её прозвучал как ледяной душ. Ксения захлебнулась криком, Михаил опустил руку, и на мгновение в зале воцарилась такая тишина, что слышно было, как потрескивают угли в камине.

Артем перевёл взгляд на Ирину. Она была единственной, кто не выглядел ни испуганным, ни взволнованным. Она выглядела как судья, уже вынесший приговор, но не спешащий его оглашать. Ирина Николаевна — вдова крупного чиновника, женщина лет пятидесяти, с сединой в тёмных волосах и глазами цвета холодного чая, — сидела с идеально прямой спиной,

сложив руки на коленях. На ней было строгое чёрное платье, без украшений, и от неё исходил запах лаванды — единственный запах, который перебивал жасминовую духоту.

— Ирина Николаевна, — обратился к ней Артем, подходя ближе. — Мне сказали, что вы слышали разговор между Ивановым и Соколовым. Разговор про их прошлое. Что именно они говорили?

Ирина подняла на него глаза. Её взгляд был холодным — не злым, не враждебным, а просто бесконечно далёким, как лёд, который лежит в морозилке несколько лет и уже не помнит, что такое тепло.

— Иванов сказал: «Прошлое не умирает, оно ждёт», — произнесла она медленно, чеканя каждое слово, будто цитировала священный текст. — А Соколов ответил: «Тогда я сделаю так, чтобы оно вернулось к тебе первым».

— Это звучит как угроза, — заметил Артем, записывая.

— Это цитата, — поправила Ирина, и на её губах мелькнула тень улыбки. — Из пьесы, которую Соколов обожает. Он всегда цитирует её, когда пьян, а он был пьян, как почти все здесь. Пьеса называется «Сад расходящихся тропок», какой-то забытый драматург начала века. Там герой говорит своему сопернику точно такие же слова, а потом убивает его, но не ножом — словом.

— Значит, Соколов заранее готовил убийство? — спросил кто-то из гостей.

Ирина пожала плечами — ровно, безразлично.

— Я не знаю, что он готовил. Я просто передаю то, что слышала. А вы уже сами решайте, это угроза или игра уставшего архитектора, который слишком много пьёт.

Артем записал в блокнот. Он чувствовал, что здесь слишком много слоёв — как в старом доме, где под каждым новыми обоями скрываются предыдущие, более тёмные и липкие. И каждый следующий слой пахнет не жасмином, а чем-то гнилостным.

— Кто ещё слышал этот разговор? — спросил он, обводя взглядом гостей.

Никто не ответил. Люди отводили глаза, рассматривали носки туфель, изучали узоры на паркете. Только Михаил, уже успокоившийся, поднял руку.

— Я стоял у бара. Они говорили громко, Соколов орал как на стройке. Но я не понял, о каком прошлом они говорили. Мне показалось, это касалось какой-то аварии. Старой аварии, лет двадцать назад.

Артем наострил уши.

— Аварии? Уточните.

— Там было слово «опрокинулась» или «перевернулась». Я не расслышал, — Михаил пожал плечами. — Но Соколов сказал: «Ты не имеешь права вспоминать это, ты там был». А Иванов ответил: «Я был, и я помню. Помню, как ты смотрел на нас».

Сердце Артема на мгновение пропустило удар. «Ты там был» — фраза, которая могла означать всё, что угодно, но в сочетании с цианидом и театральным ножом она приобретала зловещий оттенок.

Он посмотрел на Елену, жену Соколова. Она по-прежнему стояла у стены, скрестив руки на груди, и лицо её было белым, как бумага. Она молчала с самого начала, и это молчание было громче любых криков.

Артем подошёл к ней, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки.

— Елена, — сказал он мягко. — Что вы знаете об этой аварии?

Она медленно подняла на него глаза. И в них была такая пустота, что Артему стало не по себе.

— Я знаю, — ответила она шёпотом, — что она унесла жизнь человека, который никогда не должен был там оказаться. И что Соколов и Иванов поклялись никогда не говорить об этом. Но сегодня Иванов нарушил клятву. И теперь он мёртв.

Она отвернулась и направилась к бару, оставляя за собой шлейф горьких духов.

Артем остался стоять у камина, чувствуя, как головоломка собирается в его руках, но пока — только в виде сотен разрозненных кусочков. Он знал одно: убийца не Ксения, не Михаил и не Ирина. Убийца — тот, кто владеет секретом аварии. И этот секрет, как ржавый нож, лежал в основе всего, что случилось сегодня.

Он вздохнул и посмотрел на часы. До рассвета оставалось семь часов. А значит, убийца мог ударить снова в любой момент.

Глава 3

Спор между Ксенией и Михаилом нарастал с каждой секундой, как пожар, в который подливают бензин. Уже не просто слова — они начали переходить на крик, на жесты, на угрожающие выпады. Ксения трясла перед носом Михаила дрожащим пальцем с длинным алым ногтем, а Михаил, весь красный и вспотевший, сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Ты видел кровь? — визжала Ксения. — Да ты даже курицу зарезать не сможешь! У тебя руки из задницы растут!

— А ты, стерва, — рычал Михаил, — умеешь только языком молоть. Я видел, что видел! И если ты не убивала, то чего так орёшь?

— Потому что ты меня в грязи топишь!

Артем отошёл от них, устало потёр виски. Его голова гудела от этого базарного крика, от переплетения голосов, от жасминового запаха, который, казалось, пропитал уже каждый миллиметр лёгких. Ему хотелось одного — тишины. Хотя бы на пять минут, чтобы собрать воедино разрозненные куски этой головоломки, но в этом доме тишина была роскошью, которую никто не мог себе позволить.

Он перевёл взгляд на француза. Тот сидел в самом тёмном углу гостиной, за массивной пальмой в кадке, и не участвовал в общей суете. Леруа — так, кажется, его представили — был невысоким, сухопарым мужчиной лет пятидесяти, с острой бородкой клинышком и старомодной бабочкой тёмно-вишнёвого цвета, которая выглядела так, будто пережила не одну эпоху. Он не спорил, не кричал, не строил догадок. Он просто курил длинную тонкую сигару и смотрел. Его взгляд был спокойным, почти сонным, но Артем знал: за этой сонливостью скрывается острая, цепкая наблюдательность, которую не купишь за деньги.

Артем подошёл к нему, бесшумно ступая по паркету. Француз не обернулся, но по тому, как чуть дрогнуло плечо, Артем понял — он знал, что кто-то приближается.

— Вы всё это время молчали, — сказал Артем, останавливаясь рядом и засовывая руки в карманы брюк. — Не задавали вопросов, не высказывали версий, не требовали адвоката. Почему?

Леруа неторопливо выпустил струю дыма, и та, извиваясь, поплыла к потолку, смешиваясь с запахом жасмина и страха.

— Я предпочитаю наблюдать, — произнёс он с лёгким, едва уловимым акцентом, который делал его речь текучей и музыкальной. — В этом доме слишком много говорят. Слова здесь — как дешёвые обои: они скрывают трещины, но не устраняют их. Только создают иллюзию порядка.

— И что же вы увидели за те сорок минут, пока все кричали? — спросил Артем, присаживаясь на соседний стул, чтобы не возвышаться над собеседником.

Леруа пожал плечами — небрежно, по-французски, как будто речь шла о погоде.

— Видел тень. В саду. Кто-то в светлом платье или плаще — я не разглядел, было слишком темно. Прошёл за беседкой, остановился на мгновение, а потом исчез. Быстро, как призрак.

— И вы не пошли проверить? — Артем нахмурился. — Не заинтересовались, кто это?

Леруа улыбнулся, и в этой улыбке было что-то двусмысленное, почти загадочное.

— А зачем? — спросил он, затягиваясь снова. — Я не сторож, не полицейский и не частный детектив. Я просто гость, который любит хорошие истории. Но хорошая история, мсье, требует зрителя, а не участника. Я предпочитаю наблюдать со стороны.

— Это не история, — жёстко сказал Артем. — Это убийство. Человек мёртв.

— Для вас — да, — Леруа кивнул с невозмутимым спокойствием. — Для вас это дело, загадка, вызов. Для меня — просто ещё один вечер. Не первый и не последний, в котором я вижу, как люди убивают друг друга. В Париже, в Лондоне, в Касабланке — везде одно и то же. Деньги, страсть, месть. Или просто скука.

Артем прищурился. Француз его раздражал — той особенной формой спокойствия, которая бывает только у людей, знающих больше, чем говорят. Или у людей, которые сами участвовали в чём-то подобном и уже давно перестали удивляться.

— Тень была до убийства или после? — уточнил Артем.

— До. — Леруа затушил сигару о край стеклянной пепельницы, и та издала едва слышное шипение. — Примерно за пятнадцать минут до того, как раздался крик. Я стоял на террасе, курил и смотрел на звёзды. И увидел её. Потом вернулся в зал, и через некоторое время начался весь этот спектакль.

— Вы узнали силуэт? Мужчина, женщина?

— Женщина, — уверенно сказал Леруа. — Походка. Так ходят только женщины, которые привыкли к шпилькам, но наделали кроссовки. Шаг короткий, но быстрый. И плащ был светлый — бежевый или белый. Я не разглядел в темноте.

Артем записал в блокнот: «Белый плащ/платье, тень в саду, за 15 мин до убийства». Он переспросил:

— И вы не видели, куда она пошла?

— Нет. Скрылась за беседкой. А дальше — темнота. Но в дом она не возвращалась, я бы заметил. Значит, или пошла к озеру, или обошла дом с другой стороны.

Артем поблагодарил его и отошёл. Мозг лихорадочно работал, перебирая варианты. Если тень действительно была женской — а он доверял наблюдательности Леруа больше, чем словам Ксении, — то круг подозреваемых сужался. Но не до конца: в доме было девять женщин, включая Елену, Ирину, Ксению и ту самую незнакомку в розовом платье, которая говорила с Ивановым у бара.

Он вернулся в центр зала. Гости начали понемногу успокаиваться — переключки стихли, кто-то присел на диваны, кто-то жадно пил коньяк, чтобы унять дрожь. Но напряжение не спадало; оно висело в воздухе, как затаившийся зверь, готовый в любой момент прыгнуть. Артем чувствовал это кожей.

Он посмотрел на часы: одиннадцать сорок. Убийство произошло около одиннадцати. Всего сорок минут назад, а уже столько лжи, полутеней и недомолвок, что можно было заполнить ими весь этот дом — от фундамента до крыши.

— Хорошо, — сказал он громко, и голос его прозвучал как хлопок бича. — Давайте по порядку. Кто последним видел Иванова живым? Не в толпе, не мельком, а именно разговаривал с ним, стоял рядом, смотрел в глаза?

Повисла тишина. Гости переглядывались, переминались с ноги на ногу. Наконец женщина в розовом платье — та самая, с заплаканными глазами и дрожащими руками — подняла тонкую, почти прозрачную руку.

— Я... я разговаривала с ним у бара. Мы просто болтали, он жаловался на изжогу. Говорил, что переел икры, — она нервно хихикнула, но смех получился истерическим.

— Во сколько это было? — Артем подошёл к ней ближе.

— Около десяти. Может, чуть позже. Я не помню точно, но точно до того, как объявили ужин. Он был живой, нормальный, даже шутил.

— Он что-нибудь пил?

— Шампанское. Как все. Официант принёс ему бокал, и он выпил его почти залпом. А потом сказал, что ему плохо, и ушёл в малую гостиную.

— Вы видели, кто именно подавал ему бокал? Какой официант? Мужчина или женщина?

Женщина замялась, её губы задрожали.

— Я не запомнила лица. Он был... ну, официант как официант, в ливрее. Все они одинаковые, как клоны. Я не разглядела.

Артем записал. Официанты — идеальная маскировка. Четырнадцать человек в одинаковых ливреях с золотыми пуговицами, все похожи друг на друга, как солдаты в строю. Любой из них мог подсыпать яд в бокал, и никто бы не заметил. Но в то же время — если яд был в бокале, он должен был подействовать мгновенно. А Иванов после того, как выпил шампанское, ещё разговаривал, жаловался на изжогу... значит, яд подсыпали позже, возможно, уже в малой гостиной. Или в еде. Или...

Он повернулся к Леруа, который уже зажёл новую сигару и снова погрузился в свою меланхолию.

— А вы что делали в одиннадцать? — спросил Артем, не повышая голоса.

Леруа улыбнулся той же двусмысленной, ленивой улыбкой.

— Курил на балконе. Один. Алиби нет, только моя сигарета и полная луна над головой. Я никогда не беру алиби, мсье, потому что это всегда ложь. У человека всегда есть тайная комната в душе, где он может находиться один. Даже если в ней нет никого, это уже алиби.

— И что вы видели?

— Звёзды. И белую тень в саду. Но я уже говорил вам об этом. Повторяться — скучно.

Артем кивнул и обвёл взглядом зал.

— Кто-нибудь ещё видел эту тень? Светлое платье, белый плащ, бежевая одежда? В саду, за беседкой, около десяти сорока пяти?

Никто не ответил. Гости молчали, и это молчание было красноречивее любых слов. Артем понял: либо тень была галлюцинацией француза, либо кто-то очень ловко прячет свои следы.

В этот момент Ирина Рябова, которая до сих пор сидела в кресле с безупречной прямой спиной, вдруг поднялась. Её движение было плавным, почти театральным — она поправила юбку, оправила жемчужное ожерелье, и встала так, чтобы её видели все.

— Я знаю, кто убийца, — произнесла она голосом, который разлетелся по залу, как удар колокола в полночь. Голос был спокойным, даже будничным, но в нём звучала такая уверенность, что все мгновенно замолчали.

Гости замерли. Кто-то открыл рот, кто-то затаил дыхание. Артем почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— И кто же? — спросил он, вглядываясь в лицо Ирины.

Ирина улыбнулась — тонко, почти нежно, и в этой улыбке было столько же тепла, сколько в зимнем ветре.

— Тот, кому есть что терять. А здесь таких — все. — Она обвела взглядом зал, задерживаясь на каждом лице, как судья на скамье подсудимых. — Не правда ли, Виктор Петрович?

Соколов, стоявший у окна и до этого смотревший в ночной сад, медленно обернулся. Его лицо, и без того бледное, стало серым, как зола.

— Ты всегда была стервой, Ирина, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, с металлическим оттенком. — Но я не думал, что ты ещё и дура. Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Я не дура, — Ирина поправила жемчуг, и это движение было таким отработанным, как жест актрисы, которая знает свою роль наизусть. — Я просто та, кто умеет слушать и запоминать. И сегодня кто-то хотел убить не Иванова.

Наступила звенящая, почти осязаемая тишина. Артем чувствовал, как воздух сгущается вокруг, как каждый нерв в зале натянут до предела.

— А кого? — спросила Елена, которая до сих пор стояла у стены с безразличным лицом, но теперь её голос дрогнул.

Ирина перевела взгляд на неё, затем медленно, с той же насмешливой грацией, повернулась к Артему.

— Вас, господин детектив, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Или всех нас. Иванов оказался просто не в том месте и не в то время. Он был случайной жертвой — или предупреждением для того, кому предназначался этот удар.

Артем почувствовал, как по спине пробежал холодок, который отозвался где-то в солнечном сплетении. Он не любил, когда его втягивали в чужие игры — особенно когда эти игры пахли не просто риском, а смертью.

— Спасибо за версию, — сказал он сдержанно, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ирина Николаевна, я бы хотел поговорить с вами наедине. Сейчас.

Она кивнула, будто только этого и ждала. В её глазах мелькнула тень удовлетворения — Артем заметил это, и ему стало не по себе.

— Как скажете, — произнесла она, и её губы тронула та же загадочная полуулыбка. — Но, Артем Сергеевич, предупреждаю: правда, которую вы услышите, не сделает вас счастливее.

Она направилась к боковой двери, ведущей в малую библиотеку, и Артем, бросив короткий взгляд на замерших гостей, последовал за ней. Когда дверь за ними закрылась, он услышал, как в зале снова взорвался гул голосов — как рой потревоженных ос.

В библиотеке было темно, пахло кожей и пылью. Ирина зажгла настольную лампу, и её мягкий жёлтый свет упал на стопки книг, на потёртое кресло, на её руки, сложенные на коленях.

— Садитесь, — сказала она, указывая на стул напротив. — У нас есть время. И, поверьте, мне есть что вам рассказать.

Артем сел, не сводя с неё глаз. Он чувствовал, что сейчас услышит что-то важное — что-то, что перевернёт всё, что он знал об этом вечере.

— Я слушаю, — сказал он.

Ирина вздохнула и начала говорить. И с первых же слов Артем понял: его интуиция его не подвела. Эта женщина действительно знала больше, чем все остальные. И то, что она собиралась ему открыть, могло стоить кому-то жизни.

Глава 4

Библиотека Соколова была самой тёмной комнатой в доме. И не просто тёмной — она была глухой, герметичной, как склеп. Тяжёлые портьеры из тёмно-бордового бархата были задернуты так плотно, что ни единый луч лунного света не просачивался внутрь. Стены от пола до потолка устилали дубовые стеллажи, заставленные книгами в кожаных переплётах, которые пахли пылью, временем и чем-то сладковато-гнилостным — возможно, старым клеем, возможно, забвением. Единственный источник света — настольная лампа с зелёным стеклянным абажуром, которая стояла на массивном письменном столе красного дерева, — отбрасывала на лица жёлтые, болезненные тени, делая даже знакомые черты чужими и зловещими.

Ирина Рябова села в кожаное кресло напротив стола, грациозно, как королева, которая привыкла к трону. Она закинула ногу на ногу, сложила руки на коленях и смотрела на Артема с выражением терпеливого превосходства. Артем остался стоять у двери, прислонившись плечом к косяку — так, чтобы видеть и её, и единственный выход из комнаты. Старая привычка: никогда не загонять себя в угол, даже если собеседник кажется безобидным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.